

Александр ВОРОНЦОВ

ПОДБОРКА СТИХОВ
ДЛЯ КНИГИ К 60-летию ПОБЕДЫ

ПАМЯТЬ

Юг воронежского края,
Неглубокий чернозем,
Сторона моя родная,
Неоглядный окоем.

То простор слепит от блеска,
То в оврагах камыши,
Дрофы между перелесков
Бродят – больше ни души.

Ну еще гуляет стрепет,
Коршун вьется над жнивьем..
Вспомнишь вдруг – и сразу трепет
В теле, в памяти – во всем.

Вспомнишь марево степное –
И видения встают:
Звук, увязший в летнем зное, –
Там полольщицы поют.

Иль бахча в ночной прохладе
И за пазухой арбуз,
И вопрос: а что как сзади
Сторож с палкой? Вот конфуз!

Или воз травы пахучей,
Дед кричит волам: "Цобэ!"
Вечер. В небушке – ни тучи,
Только месяц на трубе.

Или вот: пустая ложка,
В животе угрюмый вой.
Все насыты, даже Лешка,
Даром, что отец живой.

И война все дальше, дальше
Отступает на закат.
Тяжко было, только фальши
Меньше было во сто крат...

Юг воронежского края,
Неглубокий чернозем,
Сторона моя родная,
Ненаглядный окоем!

ЛЕНИНГРАДЦАМ

Фонтанов звон, дворцов величье,
Уверенность гранитных стен -
Здесь все масштабно, все столично,
Здесь все - истории рефрен.
Здесь, чуть спроси, ответит каждый
С невольным междометьем "Ах!",
Что в пышных залах Эрмитажа
Все в серебре и жемчугах.

Но есть нетленное богатство
Ценнее жемчуга сто крат -
Дух простоты, радушья, братства,
Которым дышит Ленинград,
Который люди Ленинграда,
Как пламя вечного огня,
Смогли сберечь в аду блокады
И сохранили для меня!

С Н О В А

Снова Дон,
Снова краткая встреча,
Лишь вагон
Отразится в струе у моста,
Только звон
Ненадолго разбудит поречье,
Только сердце узнает родные места.

Утра дар -
Над рекой полусонной
Легкий пар,
Как фата, и прозрачен и тих,
Только яр
Все стоит бастионом,
Только живы следы от разрывов былых.

Косогор
Неторопко взбирается в небо,
Рьяный хор
Заревых развеселых пичуг -
Мне укор:
Слишком долго здесь не был,
Слишком редко я родиной сердце лечу.

Снова Дон,
Снова тени бывшего,
Тихий стон
Той души, что как прежде чиста.
Слушай, Дон
Мое верное слово:
Блудный сын твой вернется в родные места.

* * *

Не беда, что я поплачу
Где-то в поле на меже:
Если плачу, это значит –
Что-то есть еще в душе.
Это значит, что осталось
Чувство к родине своей,
Это значит, что усталость
От разлуки все сильнее.
Это значит, что солома
Мне сейчас нужнее роз.
Это значит, здесь я – дома!
Потому не стыдно слез.

Р А Н Ы

Он лез нахально и упрямо,
Прессуя дымку ковыля,
Казалось даже: "Мама! Мама!" –
Стонала сдавленно земля.
А он горячей сталью траков
Холму июльский рвал наряд,
Урчал, хрипел и злобно кричал,
Когда выплевывал снаряд.
Добрался все же до вершины,
Уполз в лесок за перевал –
След бронированной машины
На склоне раню зиял.

Возможно, что до Сталинграда
Дошел бездушный этот враг,
И там сожгли, конечно, гада,
Но след его – теперь овраг...
Больны бывшие раны, знаю,
Но только не об этом речь:
Как нам теперь, земля родная,
Тебя от новых ран сберечь!

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Здесь все равны: сержант и рядовой,
И капитан, и лейтенант безвестный,
Теперь они лежат по-братски вместе
Под серую гранитную плитой.

Но общая к Отечеству любовь
Сто крат сильнее, чем братская могила,
Между собой их раньше породнила,
И лишь потом, в земле, слилась их кровь.

Срослись с землею этой до конца,
Уже давно землею стали сами,
Но проросли травой и цветами
И памятью народной сквозь сердца.

С А Н И Т А Р К И

С виду цвет судьбы у них неяркий,
Очень схож с полынью и свинцом,
Не с того ль, что с поля санитарки
Выносили раненых бойцов?
На губах горчит пыльца полыни,
Слез и пота на глазах рассол,
Вся врагом пристреляна равнина,
Гладкая, открытая, как стол.
Только б дотащить до той воронки,
Раны в ней бойцу перевязать,
Только б уберечь от похоронки
Чью-то ожидающую мать.
А потом опять свинцу навстречу:
Не один там раненый солдат,
Чтоб, взвалив на узенькие плечи,
Их тащить в воронку-медсанбат.
Сколько же они от смерти близкой
Сберегли, сто тысяч, миллион?
Если б в поле скромным обелиском
Вырос мак, где воин был спасен, -
Полстраны бы высветилось ярко
Буйно-красным пламенем цветов,
Оттого что с поля санитарки
Выносили раненых бойцов!

Н А Ш И

Война опять у Дона сутками
Ворчала, кашляя надрывно,
С морозным ветром звуки жуткие
Текли на хутор непрерывно.
А между хатами иззябшими
Порхали вести снегирями,
Что скоро-скоро встреча с нашими,
А там - "капут" фашистской дряни,
Что круто все житье изменится,
Что полицай с утра в омете...
И вот с бугра от черной мельницы
Заговорили пулеметы.
На дне промерзшего окопчика,
Укутав сына в одеяло,
Сидела мать с трехлетним хлопчиком
И тихо: "Наши!" - повторяла...
С тех пор дорог немало пройдено
И поднято добротных пашен,
Но для меня понятие РОДИНА
Навек осталось в слове НАШИ.

О Р К Е С Т Р

Мы спешили, пацанва босая,
Сбросившая кирзовую рвань:
За холмом, округу сотрясая,
Словно филин, ухал барабан.

Зов трубы, неведомый дотолё,
Непонятной прелестью манил –
Задыхаясь, мы неслись по полю
Из последних, из голодных сил.

Не догнали музыку ребята,
Тишина опять легла окрест:
Растворилось в зареве заката
Чудо под названием ОРКЕСТР.

Долго мы смотрели, как ложиной
Шел на запад с музыкою полк...
Мы давно не мальчики – мужчины,
Но оркестр наш все-таки не смолк.

Н Е Ж Н О С Т Ь

Казалось, души были выжжены,
Как хаты брянщины, – до тла,
Казалось, что сердца булыжные,
Но осень мирная пришла.
Ах эта осень 45-го!
Иной весны милей она,
Хоть снилась все еще треклятая
Нешадно цепкая война.
И все хотелось бить осколочным,
Ничком укладывая в грязь
Шеренги серо-бурой сволочи,
Что на НП всю ночь рвалась.
Но бесконечный бой неистовый
Стал реже память бередить,
Когда с недавнею радисткою
Комбат стал сны свои делить:
Ни зажигалки, ни фугасные
В них не сумели победить
Такую сказочно-прекрасную
Способность верить и любить.
Какое счастье, что в мятежности
Тех лет, что шли, броней звеня,
Уберегли вы искры нежности,
Иначе не было б меня!

* * *

Мне в детстве рассказала книжка
О том, как русский паренек,
Простой детдомовский парнишка,
На амбразуру грудью лег.

Он был не очень-то и старше
Рыжевихрастого меня,
Наверно, и ему был страшен
Удар кинжального огня.

Но тот пацан, простецкий в доску,
Лег под свинцовый кипяток –
Меня и всю страну мой тезка
Прикрыл собой. А я бы смог?!

И беспощадней нет вопроса,
Чем тот, что до сих пор звенит:
А ты сумел бы, как Матросов,
Друзей собою заслонить?

Б Е З Р У К И Й

Подставив дождику затылок,
Давно не мыт, давно не брит,
На ящике из-под бутылок
Сидит безрукий инвалид.

И нету сил уже, похоже,
Чтоб встать и от пивной уйти.
Из рукавов, синяя кожей,
Торчат угрюмо две культи.

Совсем уже не помня спьяну
И ни себя, и ни людей,
Так поминает чью-то маму,
Как не сказал бы о своей.

Глаза его бесцветней водки,
Пиджак на нем давно не нов,
Но на груди блестят колодки
Добытых кровью орденов.

Какая мстительная сила
Войною вложена в тот бой!
В траншее тесной не убила,
Так добивает у пивной.

БАБКИ

Давно поседевшие прядки
Белее миткальных платков.
Сидят на скамеечках бабки
И кружево вяжут из слов.
Несуетны крупные руки,
Неспешен внимательный взор,
В речах – наставления внукам,
Частенько – и снохам укор.
У них, мол, немало изъязнов,
С мужьями – не в душу душа.
– Ах, бабки! А к вам-то с диванов
Деда почему не спешат?
И в нашем подъезде, и в третьем,
И в каждом соседнем дому
Платки препираются с ветром,
А кепки-то где, не пойму?
– Ну что ты, голубчик, да разве
Нам надо тебе пояснять?
Под Брестом, под Брянском, под Вязьмой
Осталось дедам двадцать пять.
На что мы теперь им, старухи?
Придумают, право же, вздор...
Несуетны крупные руки,
Неспешен задумчивый взор.

ПОПУТЧИЦА

Попутчица – бабка в платочке
И кофте вчерашнего дня –
Корзиной для будущих квочек
Подвинула молча меня.
Но тут же, платочек поправив,
Пошла толковать про дела
И, говор казачий приправив
Украинской речью, вела:
– Хлеба ноне, бачь, низкорослы,
Скосылы – валок на зэмли,
Замочуть холодные росы:
Зоставлэно мало стэрни.
Косыть бы сейчас напрямую –
Було бы так меньше потерь.
Забулы годину лихую,
Стараются хуже теперь.
Работают так, у пол-силы,
Мушщины, а вот у войну
Одни только бабы косылы,
А хлебом кормили страну...
Добавила с легким мажором,
Вдруг ставшим понятным и мне:
– Була у войну комбайнером,
И даже документы е!

*Александре Ефимовне Варламовой,
сбившей семь самолетов,
с низким поклоном.*

ЗЕНИТЧИЦА

Нет ни дочери, ни сына,
И внучаток, значит, нет,
Нет ни литра керосина,
Нету сил на склоне лет.
Меньше солнца, больше хмури,
Все длинней с годами ночь.
Кто поможет бабе Шуре?
Чем помочь? И в чем помочь?

Женихались. Было, было...
Выбирать была вольна,
Одного даже любила -
К свадьбе шло, да вдруг война.
В бой - за Родину, не сдуру!
Пензяки в боях лихи -
В орденах вернулась Шура,
Не вернулись женихи.

Находились все же люди,
Приглашали в сельсовет,
Только Шура все в остуде:
Довоенным ровни нет,

Все же поздно или рано -
Не ее совсем вина -
Но рубцуются все раны,
И тускнеют ордена.
Ах, знакомые мотивы:
Не резвится детвора
В хуторке без перспективы,
Где осталось три двора.

Вдаль былое уплывает,
Но кошмарится пока:
Пикировщиков сбивает
Пулеметом ДШК.
До утра опять бомбежка,
Вой нещадный "мессеров"...
Засветилось окошко -
Выгонять пора коров.
Ночь ушла - и вновь красиво
Горизонт спокойный ал...

Эй, спасенная Россия,
Помнишь, кто тебя спасал?!

Р О Д И Н А

В чувствах к небу и земле России
Расплеснется кто-то, ну и что ж?
Родина – не просто много сини,
И не только в жарком поле рожь.

К ней любовь – не просто умиление
Перед лугом, холмиком, избой,
А сердец, ей преданных, горенье
И готовность вечная на бой.

Родина сложилась из народа,
Каждый человек в котором – наш,
Потому в любое время года
Я люблю ее, а не пейзаж.

Мало мне бескрайности таежной,
Узок даже горизонт степной –
Родину люблю в друзьях надежных
И в тебе, желанной и родной.

М А М Е

Значит, помнишь ты, мама, все даты,
Даже те, что я сам позабыл.
Вот хоть эту – когда я в солдаты
Четверть века назад уходил.

Под аккорды гармошки у Дона,
От вина и от пляски хмельной,
Начинал отвыкать я от дома,
Привыкать к расставаньям с тобой.
Но команды чеканные фразы
Навели в один миг угомон –
Потрезвели, притихли все сразу,
Спотыкнувшись, притихла гармонь...

Был наказ твой и краток и точен:
– Пусть всем войнам наступит конец!
Если все же... ты помни, сыночек,
Жизнь за что положил твой отец...
Пусть утрачены многие даты,
Но зато я слова берегу,
Что сказала ты, мама, когда-то
На песчаном донском берегу.

Окт. 83г.

**МУЖЧИНАМ В «ДЕНЬ
ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА»
23 февраля 1996 г.**

У нас сегодня есть причины
Сказать всем честно и в лицо,
Что современные мужчины
Похожи мало на отцов.
И дело вовсе не в обличье,
Не в росте, силе и красе,
А в безответственности личной,
Которой заболели все.
Не потому ли нынче смята
Россия кучкой подлецов,
Что не стремитесь вы, ребята,
Напоминать своих отцов?!
А мы все те ж - любовь и вера,
Надежда вечная на вас.
Мы ждем, что пращуров примеры
Вас вдохновят хотя бы раз!!!

**Женщины ОГК СКП
(Записал Александр ВОРОНЦОВ)**

* * *

Ах, Россия, Россия, Россия!
Над тобой воронье, воронье!
Ну какая нечистая сила
Затоптала и в грязь измесила
Лучезарное имя твое?!

Ах, Россия, простушка Россия,
Сколько тягостных дней и ночей
Ты сама же под сердцем носила
И своими руками растила
И предателей и палачей!

Я не главный твой баловень, мама,
Подзатыльников было - не счесть,
Но святынею высшею самой
Я считал твою гордость и честь.

И когда иноземную свору,
Чтоб тебя добивать, приведут -
Без раздумий и без разговоров
Поднимусь и взойду на реду.

Коль наступит оно, время оно,
Вострубит грозный ангел беду -
Я последним уйду с бастиона,
А, быть может, совсем не уйду...

31.08.94.

Тольятти - Тоцкое

ЗАЛОЖНИКИ

Сидят у "телека" жена,
Соседи – дядя Ваня, тётя Глаша,
Глядят, как корчится страна,
Страна родная, но уже не наша.

- Смотри: заложники сидят!
- Вот террористы! Взрывы! Стоны!
- Теперь надежда на ребят,
На этих вот, что в масках, из ОМОНа!

Эх, недалёкая жена
И близкая соседка тетя Глаша!
Вы не поймёте, что стране
Двенадцать лет уже не наша.

Друзья мои, нас не спасут
Безликие красавцы из ОМОНа,
Когда такие силы нас пасут:
Мы все – заложники Маммоны!

Заложники огромной лжи,
Расстрельники чужого приговора.
Для них мы – просто муляжи,
И в нас людей не видит эта свора.

И не увидит до тех пор,
Пока мы верим в сказку, что иванам
Не вылезти из душных нор,
Пока мы все – заложники диванов...

Чужая корчится страна,
Но почему же боль всё время наша?
Ты можешь объяснить, жена? –
Не знаешь ты, не знает тетя Глаша.

Страну терзают все сильнее,
Так на кого надежда? На Ивана!
А он страдает вместе с ней...
Но зад не отрывает от дивана.

05.11.2002

Внучке Маше

ПРО КАТЮШУ

Замерев над ворохом игрушек,
Позабыв все важные дела,
Вдруг запела внучка про Катюшу
И степного сизого орла.

Голосок, такой родной и милый,
Хоть кого растрогает до слез.
Не беда, что чуть слова забыла,
Но зато поет она всерьез.

С этой песней радость ольется в душу,
Ободряет:

– Дедушка, не трусь:
Внучка напевает про Катюшу,
Это значит, что живая Русь!

Как ее прабабушка когда-то
Подрастет – пойдет на бережок.
Будет терпеливо ждать солдата,
А солдат границу сбережет.

Галине Андреевне Серкиной

*и всем родителям павших в
неправедной войне.*

Ф О Т О Г Р А Ф И Я

Уходили в Чечню мальчишки,
Уходили жертвы обмана,
И совали в служебные книжки
Фотографии, как талисманы.
Эти фото просты и милы:
Мама, папа, сестра, невеста,
Но казалось, что есть в них сила
Средь живых забронировать место...

Приходили гробы в Тольятти
И в Рязань, и в Тюмень, и в Муром.
Мама с плачем слали проклятья,
И стояли отцы понуро.
Смотрит каждый в служебную книжку
Отрешенно и туповато:
Там осколок, убивший парнишку,
Продырявил на фото папу.

Головой теперь бейся об стенки –
Не понять ей планов бесовских,
Не понять ей, чем пахнут деньги
У чубайсов и березовских.
Не понять, как совсем без риска
За олежкины, димкины скальпы
Покупают дворцы бориски
За кордоном в красивых Альпах...

Подрастают младшие ваши.
Мужики, тут прогнозы простые:
Снова выпьете горькую чашу,
Если головы будут пустые.

Борису Скотневскому

ЛИСТЬЯ ЗОЛОТЫЕ

*Снова листья летят золотые,
Золотые и падают в грязь...
Б. Скотневский*

Что там листья, пускай золотые!
Посмотри через линзы очков:
Наши дети – котята слепые –
Ряд за рядом ложатся ничком.

Истекают и потом и кровью
В непонятной и хитрой войне
На Памире или в Приднестровье,
Или в вечно бунтарской Чечне.

Боря, Боря! Послали не мы их,
И чиста наша совесть с тобой,
Только что же мы были немые
Перед теми, кто гнал их на бой?!
Только что ж не сказали ребятам
Слово правды сквозь тысячи врак?
Только что ж не сказали, где спрятан
Самый главный смертельный их враг?

Видишь – падают в грязь молодые,
Стекленеет доверчивый взгляд!
Слышишь, слышишь – звенят золотые
У кого-то в карманах звенят...